

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ГИМНАЗИИ ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А.И.Любжин

Отдел редких книг и рукописей
Научная библиотека МГУ им. М.В.Ломоносова

Основатели Императорского Московского университета — И. И. Шувалов и М. В. Ломоносов — прекрасно понимали, что без своего среднего учебного заведения он захиреет в ближайшие годы. Поэтому две Академические гимназии — дворянская и разночинская — были созданы вместе с самим университетом. В общественном сознании они были неотделимы от него. Так, автор интересных «Записок» Василий Александрович Нащокин (1707–1759) фиксирует в них следующее событие: «Июня 13-го <1755 г.>, во вторник, сын мой меньший Иван, от рождения своего имея 8 лет, отправлен из С.-Петербурга в новоучрежденный университет при учителе того университета второго класса г-не Михельсоне» [14, с. 301]. В другом месте он называет дворянскую гимназию «Московским шляхетным университетом» [14, с. 315]. Аналогичные сообщения есть и у Д. И. Фонвизина [30].

Подробный проект гимназического регламента был разработан Ломоносовым; приведем несколько извлечений из него: «§ 26. Первая школьная экзерциция есть чтение изусть заданного урока в первый час при входе в школу, прежде приходу учительского, который урок слушать должен старший школьник того же классу и, знает ли кто урок свой или нет, записывать в таблице... § 27. Вторая школьная экзерциция: короткие задачи переводить какие сентенции или переменять фразисы стихами и прозою, не пишучи... § 29. Публичным экзерцициям быть по каждую полгода только в верхнем классе, где некоторые школьники имеют говорить речь своего сочинения под ректорским присмотром на российском и латинском языках, прозою и стихами. § 30. Домашние экзерциции... должны быть короткие переводы с российского на латинский, с латинского на российский или преложения с прозы на стихи, смотря по классам... Позволить школьникам упражняться по своей охоте для показания каждому своего особенного рачения и понятия... § 42. Не переводить из одного класса в другой, ежели кто не выучил всего того твердо, что в оном классе, в котором учился, положено для изучения. § 43. Не разделять учения одного школьника по разным классам. Так, кто нижний класс русской или латинской школы знает твердо, а не выучил как надлежит в нижнем классе арифметики, того не производить в средний класс ни русской, ни латинской, пока арифметику довольно знать будет... Сие наблюдать и в прочих классах, дабы один с другим не мешались» [13]. Однако впоследствии, как можно судить по мемуарной литературе, эти правила не были приняты к исполнению: была предусмотрена возможность переходить в высший класс по отдельному предмету («школе»), а не по всем одновременно. Также не привилась предусмотренная проектом сложная система контроля знаний.

«Санкт-Петербургские ведомости» от 16 мая 1755 г. так описывали торжественную церемонию инаугурации (26 апреля): «В 8 часу поутру учителя с учениками собраны были в Университете, куда и все знатные персоны, которые прошены были чрез печатные программы, во многом числе прибыли, также чужестранные и знатное купечество по их требованию допущены были: тогда в надлежащем порядке ученики разделены были на классы, с учителями пошли в церковь Казанския Богородицы и в присутствии директора состоялся молебен соборной за Высочайшее здравие Е. И. В. и Императорской фамилии... Вшед в большую залу говорены были речи... По окончании оных речей знатнейшие персоны прошены были во внутренние покои, где трактованы были разными ликерами и винами, кофеем, чаем, шоколадом и конфектами, и так все с удовольствием около второго часа пополудни разъехались».

Лишь в первые годы различие между обеими гимназиями касалось программ и преподавателей: как пишет Н. С. Тихонравов [27, с. 89], «по самому уставу гимназий, ученики их не должны были пользоваться одним и тем же общим преподаванием, и это кастовое разграничение и действительно существовало в гимназиях университета в первые годы: особенным разнообразием, излишеством предметов и преподавателей отличалась дворянская гимназия от разночинской... Время разбило эту скорлупу...». Гимназии сразу стали популярнейшим и лучшим учебным заведением, дававшим в России общее образование.

Как отмечает компетентный и информированный исследователь эпохи, имея в виду первые годы Московского университета, «ученье не составляло тогда потребности общественной; родители не только не поощряли к нему своих сыновей, но нередко мешали их занятиям, принуждая оставить университет до окончания курса, для поступления на службу» [28, с. 39.]. Уже 18 мая 1756 г. последовало распоряжение: «которые из обучающихся в Московском университете действительно в воинской и гражданской службе записаны и впредь будут записаны же, а лета и склонность их позволяют им обучаться наукам, таким для обучения позволять при университете остаться для вышесказанных лет возраста их, а чтоб они не могли чрез то потерять свое произхождение, оных как в воинской, так и в гражданской командах, где они в службу записаны, в повышении старшинством не обходить и произхождение им чинить по указам» [14, с. 304] — однако это равнодушие во второй половине столетия сказывалось прежде всего на высшем образовании, поскольку интерес государственной службы, преимущественный как для родителей, так и для детей, уже требовал полного и добротного гимназического курса. Как пишет проф. С. В. Бахрушин, «число учеников гимназии росло с необыкновенной быстротой. В 1760 году их было несколько более 100 человек, в 1787 — уже 1010 человек, а в начале XIX века даже 3300. Гимназия обслуживала в сущности не одну Москву, а все дворянство тянувшихся к ней регионов. Студентов было значительно меньше, хотя и их число постепенно возрастало: в 1760 году их было 30 человек, в 1787 — 82. Среди учащихся была группа пансионеров, содержавшихся за казенный счет (30 студентов и 100 учеников); остальные были своекоштные» [7, с. 17]. Эта разница и отражает относительный престиж государственной службы (для которой было вполне достаточно гимназического образования) и науки.

Преподавателями были в старших классах университетские профессора и адъюнкты, в младших — способные студенты. Ректор назначался из профессоров. Первым эту должность занял тюрингонец Иоганн Маттиас Шаден (1731–1797), исполнявший ее в течение двадцати лет; в философском отношении — последователь Лейбница и Вольфа; он внимательно следил за развитием философской мысли в Германии и незадолго до смерти хотел познакомить студентов с философией Канта; это намерение так и не было осуществлено. Г. Г. Шпет дает ему в своей профессиональной области такую оценку — пожалуй, несправедливую: «философского уровня ниже среднего» [36, с. 71]. 6 ноября 1756 г. университетская конференция поручила ему представить план обучения в гимназиях, что и было исполнено 9 числа того же месяца. Таким образом, ему принадлежала решающая роль в создании гимназий.

Воспитательные взгляды Шадена выражены в трех его речах. Свои общие взгляды на принципы воспитания благородного сословия он подробно изложил в третьей, и влияние их чувствуется в организации гимназий, насколько мы можем судить о ней по сохранившимся документам. Он обнаруживает большой педагогический такт, требуя от дворянской молодежи служения Отечеству на всех поприщах, заявляя, что главный долг дворянства — *исполнение законов*, и выступая против модных теорий Руссо и Базедова: «Воспитание, как то вообще свойственно его природе, заключается в том, чтобы нежная юность, сообразно своему предназначению, готовилась быть полезной государству, поддерживать и возвращать общественное благо. Нет сомнения, что для

благородного юношества оно должно придерживаться именно этой цели. Если же воспитание от нее отстывает и целиком заключается в том, чтобы пытаться сформировать у юношества филантропию, то есть некую любовь ко всему человечеству, то, хотя такое намерение и похвально, но, поскольку оно противоречит законам природы и не соответствует нынешнему состоянию человечества, то оно весьма далеко от того, чтобы приносить пользу обществу и, напротив, создает ему помехи», с примечанием: «это ересь Руссо, заявленная в его *Эмиле*, и Базедова». И далее: «Закон природы в нынешнем положении человечества таков: от любви к родителям нужно подниматься до любви к семье, от последней — до любви к отечеству... откуда, если это правильно привить молодежи, открывается прямой путь до любви ко всему человечеству... Кто опровергает этот закон... падает под бременем огромности своей задачи и воспитывает космополитов, то есть людей, которые, желая быть везде, не обретаются нигде, желая всем благотворить и всех любить равным образом, никому не благотворят и никого не любят; что же до хороших граждан, из этих этого не получится никогда» [4, р. 24]. Затем Шаден рассуждает о предметах, необходимых для того, чтобы достичь этих целей. Первый из них — философия, подразделяемая на три части: теоретическая, практическая (моральная) и эстетика: «Я знаю, что у этой едва ли не божественной дисциплины дурная репутация у большинства; но они, конечно, видят ее искаженный лик, обезображенный иными ее почитателями, которые схоластическими тонкостями, кажется, изгнали ее из человеческого сообщества и скрыли в высоких поднебесных твердынях, куда не каждому открыт доступ, откуда Сократ, ее подлинный почитатель, с едва ли не божественным разумением, первым вывел ее некогда, чтобы дать ей место в городах, в куриях, на форуме и даже в домах частных лиц» [4, р. 31].

Затем следуют изящные искусства: живопись, архитектура, скульптура, музыка, красноречие, поэзия, физические упражнения. Но самое важное в этой сфере — языки и связанные с ними поэзия и красноречие. Дальше речь идет о сравнительном достоинстве языков: «И хотя родной язык притязает на первое место, нет сомнения, что для образованности и большего совершенства он нуждается в помощи других. Теперь следует ответить на вопрос, какие именно языки следует прибавить к родной речи, ради совершенства, элегантности, приятности, а также ясности, обоснованности и серьезности, необходимых для доблести и мудрости? Если узнать мнение образованных народов, которые довели свой язык до высокой степени совершенства, вопрос будет снят: они признаются, что они листали днем и ночью греческие и римские образцы, — и французы, и англичане, и итальянцы, и немцы, будут единодушны, что именно так они сообщили красоту своим языкам; и наши мудрейшие и красноречивейшие мужи сознаются в том же — Ломоносовы, Сумароковы, Херасковы...» [4, р. 33]. Впрочем, и от новых языков тоже не следует отказываться. Потом Шаден рассуждает о том, что человек связан с тремя различными сферами, которые должны быть отражены в его образовании: природной, человеческой и Божественной. Им соответствуют три ряда дисциплин: для первой важны естественная история, анатомия, общая и экспериментальная физика, а также экономика (наука о полезных природных продуктах). Душа этой сферы — математические дисциплины. Сфера общественная представлена правом: естественным (обязанности человека по отношению к человеку), общим публичным (взаимоотношения подданных и властителей), народным (взаимоотношения наций между собой). Божественная — естественным и откровенным богословием; как первая сфера не существует без математики, вторая и третья, вместе с философией, не могут существовать без истории со вспомогательной дисциплиной хронологией.

Но кто же, — спрашивает Шаден, — способен выдержать такой курс? Ответ на это прост: ни одну из этих дисциплин не следует давать свыше необходимого, преподавание можно и должно ввести в разумные рамки.

Уже в конце 1756 года ректор счел возможным предъявить обществу первые плоды своих усилий. Он пригласил знатных особ на торжественный акт, где впервые выступил перед публикой знаменитый комедиограф: «Денис фон Визин стараться будет показать щедрость и прозорливость ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, всещедрой Муз основательницы и покровительницы» [Шаден]. Он очень высоко поставил уровень преподавания языков; такой же оценки заслуживают его лекции: «Сей ученый муж имеет отменное дарование преподавать лекции и изъяснять так внятно, что успехи наши были очевидны...» [30, с. 235].

В каталоге лекций дворянской гимназии на зимний семестр 1757 год можно прочесть, что ректор лично преподавал философию, риторику, пиитику, мифологию, руководство к чтению писателей классических, состояние воинское и житие академическое (?); кроме того, «а есть ли найдутся, которые восточным языкам Еврейскому и Халдейскому учиться, и оных древности рассмотреть пожелают, то он им не только в Филологию руководство тех восточных языков, но и особенное наставление в языках Еврейском и Халдейском преподаст» [15, с. 13–14]. На следующий год еврейские и халдейские древности в каталоге отсутствуют: по видимому, сначала ректор переоценил любознательность русских дворян.

Вторым лицом гимназии — ее инспектором — должен был быть профессор, и предпочтительно из русских, для лучшего общения с учениками; эту должность занимали то Дильтей, то Поповский, то Фроманн; Поповский весьма тяготился этими обязанностями, отвлекаясь от литературных трудов. В его должностные обязанности отнюдь не входило преподавание; так, в только что приведенном каталоге 1757 года мы видим, что первый инспектор гимназий — профессор Дильтей — читал «правы Пуффендорфиевы» студентам, но не вел ни одного гимназического курса.

Гимназии были разделены на четыре школы (Российскую, Латинскую, первых оснований математики и наук и знатнейших европейских языков, т. е. немецкого и французского). В каждой школе было по три класса, кроме последней, разделенной на два. В первую половину дня в основном преподавались древние и современные языки, во вторую — математика и изящные искусства. Ломоносовский проект регламента предлагает для французского языка прозу Фенелона, стихи Расина и Мольера; для немецкого — прозу Мосгейма, стихи Каница и Гинтера; насколько мы можем судить, вряд ли это соблюдалось на практике.

Первоначально при гимназии был отдельный класс для художников, рассчитанный на 24 ученика; в 1757 г. он был переведен в Петербург, став ядром основанной указом от 6 ноября Академии художеств [7, с. 20–21]. Занятия по основным предметам проходили в понедельник, вторник, четверг и пятницу; среда и суббота (вообще менее загруженные) отдавались высшим предметам. Можно отметить постепенное сокращение преподавания Катехизиса: если в сохранившихся документах за 1757 и 1758 год отец Ефрем преподавал его ежедневно (соответственно с 11 по 12 ч. и с 10 по 11 час), то в 1762 году отец Петр Алексеев толковал Катехизис по вторникам, пятницам и субботам с 10 по 11 часов.

Весьма важными фигурами на уроках были аудиторы (назначались из лучших учеников и помогали преподавателям и надзирателям в контроле за остальными); в частности, им была вменена в обязанность проверка домашних заданий, что сводило функции учителя к объяснению материала и общему руководству. Аудиторам поручалось несколько учеников, которых они спрашивали до начала классов, отмечая результаты следующими пометками: «o» — *optime*, «b» — *bene*, «m» — *mediocriter*, «n» — *nescit*, «ae» — *aeger*, «v» — *abest cum venia*, «ab» — *abest sine venia* (*превосходно, хорошо, посредством, не знает, болен, отсутствует по уважительной причине* (т. е. отпущен начальством или учителем), *отсутствует без уважительной причины*). Гимназисты были поручены надзору камерных студентов из лучших университетских,

получавших за это дополнительную оплату (20 рублей ассигнациями к обычным 100) и подчиненных эфору — надзирателю (по-видимому, эта должность введена не ранее 1783 г., до того были инспекторы). Наказания предполагались следующие: постанковка на колени, удары линейкою по ладоням, лишение обязанности аудитора, пересадка на конец стола, отметка в ведомости, поданной инспектору; дворян сажали в карцер, разночинцы могли быть наказаны розгами; самым жестоким наказанием был перевод на собственный кошт; за хорошую учебу и прилежание ученик мог стать аудитором, быть пересажен на более высокое место, награжден книгою, эстампом или прописью на публичном годовом собрании. Об атмосфере в гимназии в первые годы ее существования и о взаимоотношениях между учениками и преподавателями дает представление следующий приведенный Шевыревым анекдот: «перед масленицей 1758 года, в отсутствие директора ученик из дворян хотел подставить ногу учителю, учитель заметил его намерение и дал ученику пощечину. Ученик принес жалобу канцелярии. Наряжен суд: судили ассессор Херасков, ректор Шаден, профессора Дильтей и Фроманн. Учителю сделали выговор и сказали, что он мог бы искать удовлетворения другим путем, но теперь лишился права: ибо пощечины давать запрещено. Приговорили: учителю и ученику просить друг у друга прощения. Но ученик не ограничился этим удовлетворением: в понедельник на масленице он отправился с жалобою к другому ассессору Веревкину (в будущем — директор Казанской гимназии — А. Л.), за которым была очередь, и Веревкин обещал ему удовлетворение блистательное. Он приказал солдатам взять под арест учителя: солдаты не застали его дома, но пришли к нему на другой день рано утром и прямо с постели отвели его под караул» [35, с. 62].

Дворяне и разночинцы питались отдельно и носили разные мундиры. Первым были положены английский фаянс и серебро, носили они по будням темнозеленые сюртуки, а по праздникам — темнозеленые мундиры с белым исподним платьем; разночинцы ели на олове и носили и сюртуки, и мундиры малинового сукна с голубыми воротниками и обшлагами, с голубым исподним платьем; своекоштным ученикам были положены только парадные мундиры, на занятиях они носили партикулярное платье немецкого покроя, а разночинцам дозволялось даже русское народное платье. К новому 1797 году всему университету был Высочайше пожалован новый суконный мундир темнозеленого цвета с малиновым воротником и обшлагами, с серебряными пуговицами, на которых изображался университетский герб.

Вставали ученики в 6 часов, 15 минут им давалось на одевание, до семи или до восьми часов утра они занимались приготовлением домашних заданий; потом бил звонок к молитве; камерные студенты вели учеников попарно в столовую. По прочтении молитвы они брали булку на завтрак и шли в классы. В 10 часов классы менялись; в 12 — заканчивалось утреннее учение. Вскоре раздавался звонок к обеду. В скромные дни давалось горячее (суп), щи, жаркое с подливой, каша, квас. Прилежный стол для всех сервировался по-дворянски, к общему меню добавлялись пирожные. За ленивым столом ели стоя, на деревянной посуде; из блюд полагались только хлеб и квас. Раз в месяц пересматривали состав сидящих за тем и за другим (как и места учеников в классах). Вечерние занятия проходили с 2 до 4 и с 4 до 6 часов. Затем ужин (те же блюда, что и за обедом), читались молитвы. В 9 часов гимназисты ложились спать, студентам позволялось заниматься до 10 часов [25].

Учебный год венчали торжественные собрания, на которых присутствовали университетские профессора и видные аристократы. Произносились речи на русском и латинском языках, успешным в науках дарились книги, в фехтовании — перчатки и рапиры, в танцах — козловые башмаки. Кн. И. М. Долгорукий позднее вспоминал о том, как он произносил речь на торжественном акте 1778 года: «По случаю рождения Великого Князя Александра Павловича Московский Университет праздновал торжественным академическим актом в Январе месяце сие вожделенное событие.

Съезд был огромный... И я удостоен был чести на сей раз причислиться к их сословию. Г. Чеботарев сочинил краткую на русском языке речь, согласную с моим возрастом, которую я проговорил наизусть с кафедры. Надобно заметить, что ученики, произносившие разные стишки, на кафедру не становились, это преимущество принадлежало только студентам... Со мною вместе робели за меня и все домашние. — Наконец наступил знаменитый день! Пришел срок и я взмогился на кафедру, с которой чуть видна была моя головенка, — принял вид важный и заговорил. Голос мой сначала задрезжал... но отступить было уже поздно, — и речь свою я выговорил довольно удачно. Разумеется, она была не велика. Рукоплескания раздались во всей зале... Как услаждался во мне червь самолюбия! Сердце билось, как маятник. Сошедши с кафедры, я бросился в объятия моих родителей» [11, с. 518]. До нас дошла одна из таких речей в опубликованном виде: «Счастье страны под властью миролюбивого государя. Речь, произнесенная Иваном Шуваловым, учеником дворянской гимназии [3]. Начинается она так: «Если мы охватим внимательным взором историю человечества; мы обнаружим, что лишь те страны достигают высочайшей степени блаженства, чьи правители более пекутся о внутреннем спокойствии и о благоприятствовании благополучию своих подданных, чем о расширении своих владений. В стране, где правит государь, который, будучи доволен тем, что ему уделено милостивое Провидение, думает лишь о том, как он может возвысить или сохранить покой и благополучие своих подданных, непременно проявятся прекраснейшие плоды его деятельности». За лучшие речи и благонравие вручались четыре медали: одна золотая — лучшему студенту (которого должны были назвать товарищи), три серебряных — дворянину и разночинцу из казеннокоштных и пансионеров. Медали были положены также и первым ученикам по каждому предмету. Малые каникулы устраивались на святки, на масленицу и в Светлую неделю. Большие — летом (с 10 июня по 1 июля) и зимой (с 16 декабря по 6 января). Обилие каникулярных дней и праздников серьезно препятствовало учебному процессу. Ректор гимназий Шаден просил Шувалова не давать ученикам отпусков, так как, по его расчету, за исключением каникул, праздников, воскресений, суббот оставалось всего 100 учебных дней, а для учеников, пропускавших уроки по случаю болезни и случавшихся по несколько раз в неделю семейных торжеств, — не более 30–40 дней. С 1762 г. летние каникулы стали устраиваться с 28 июля по 17 августа с целью уравнивать полугодия.

Расписание занятий выглядело примерно следующим образом (1789/1790 год; с восьми, а не с семи часов утра занятия стали начинаться с 1786/7 учебного года):

	понедельник	Вторник	среда	четверг	пятница	суббота
7 ⁰⁰ –9 ⁰⁰ (8 ⁰⁰ –10 ⁰⁰)	Латинский и греческий язык (простые авторы) Латинский синтаксис Грамматика греческого языка Начатки латинского языка Чистописание на языках	Латинские и греческие авторы	Начатки греческого языка	Латинский и греческий язык (простые авторы) Латинский синтаксис Грамматика греческого языка Начатки латинского языка Чистописание на языках	Латинские и греческие авторы	Начатки греческого языка
9 ⁰⁰ –11 ⁰⁰ (10 ⁰⁰ –12 ⁰⁰)	Немецкий язык Французский язык Умственная и нравственная философия по Гейнекцию Латинский синтаксис Грамматика греческого языка Начатки латинского языка Чистописание на языках	Латинские и греческие авторы	Закон Божий Начатки греческого языка	Умственная и нравственная философия по Гейнекцию Латинский синтаксис Грамматика греческого языка Начатки латинского языка Чистописание на языках	Латинские и греческие авторы	Закон Божий (Катехизис по кн. митрополита Платона) Начатки греческого языка
14 ⁰⁰ –16 ⁰⁰	Немецкий язык (то же, что и в 8 — 10 ч.). Французский язык (то же, кроме высшего уровня). История, география Артиллерия и фортификация Геометрия Арифметика Рисование, инструментальная музыка, фехтование	Итальянский язык Гражданская архитектура	Итальянский язык Гражданская архитектура	История, география Артиллерия и фортификация Геометрия Арифметика Рисование, инструментальная музыка, фехтование	Итальянский язык Гражданская архитектура	Итальянский язык Гражданская архитектура
16 ⁰⁰ –18 ⁰⁰	Танцы Переводы, стихосложение, стилистика Тригонометрия и алгебра Арифметика Рисование, инструментальная музыка, фехтование	Итальянский язык Гражданская архитектура	Итальянский язык Гражданская архитектура	Переводы, стихосложение, стилистика Тригонометрия и алгебра Арифметика Рисование, инструментальная музыка, фехтование	Итальянский язык Гражданская архитектура	Итальянский язык Гражданская архитектура

Знаменитый сатирик, вместе со своим братом Павлом (впоследствии, в 1784—1789 гг., директор Университета) поступивший в Академическую гимназию с первого дня ее основания, приводит следующий анекдот из истории преподавания предметов: «Накануне экзамена делалось приготовление; вот в чем оно состояло: учитель наш пришел в кафтане, на коем было пять пуговиц, а на камзоле четыре; удивленный сею странностью, спросил я учителя о причине. “Пуговицы мои вам кажутся смешны, — говорил он, — но они суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтане значат пять склонений, а на камзоле четыре спряжения; итак, — продолжал он, ударя по столу рукою, — извольте слушать все, что говорить стану. Когда станут спрашивать о каком-нибудь имени, какого склонения, тогда примечайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смело отвечайте: второго склонения. С спряжениями поступайте, смотря на мои камзольные пуговицы, и никогда ошибки не сделаете”» [30, с. 231]. С. П. Шевырев проницательно пишет: «Трудно здесь отличить, что принадлежит фантазии комика и что существенной правде» [35, с. 65]. Со своей стороны должен сказать, что считаю эту историю совершенно неправдоподобной. Явиться на экзамен в лишенном пуговицы камзоле без всякой необходимости было равнозначно скандалу; такое поведение может быть только забавной фантазией. Это свидетельство о низком моральном уровне преподавателей и учеников — не единственное. Гр. С. Р. Воронцов писал отцу о родственниках, находившихся в гимназии: «Совсем ничего не знают», прибавляя при этом: «Нечему и дивиться, когда учителя пьяницы, а ученики самые подлые поступки имеют. Человек самого лучшего воспитания там испортиться может, не токмо, чтобы научиться» [6, с. 6]. Вторым ректором гимназий стал знаменитый ученый, похититель рукописей Синодальной библиотеки Х. Ф. Маттеи. Это был весьма видный даже по европейским меркам ученый, многое сделавший для становления отечественной эллинистики — в 1811 году, много лет спустя после завершения его гимназической работы, будущий министр просвещения при Николае I С. С. Уваров написал в его некрологе: «Обширное поле греческой словесности было во всех отделениях известно профессору Маттею. Хотя любимым его занятием было обрабатывание критической части Нового Завета и Св. Отцов; но не менее того распространил он свет и на творения многих Греческих пиитов и ораторов... Маттей первый познакомил Русских и Европу с богатством Московской Синодальной библиотеки. Желательно, чтобы сии сокровища распространили между нами любовь к классической словесности, которая служит основанием истинному просвещению» [29, с. 60]. Однако роль, сколько-нибудь равную роли Шадена, суждено было сыграть только И. Г. Шварцу, устранившему злоупотребления начального периода. Н. С. Тихонравов пишет, что вид гимназий «изменен был, по случаю многих злоупотреблений, профессором Шварцем»; «Шварц официально ввел в них новую, свою методу учения. Частью он сам, частью ученики его под его руководством издали новые учебники, которые заметно облегчили образование юношества... “В отсутствие Мелиссино (куратора университета — А. Л.), — рассказывает Шварц, — произошло много перемен. Основан Благородный пансион на 50 человек, Педагогическая семинария, все устройство гимназий, как ложное, изменено, вышло много новых книг; типография приведена в такое состояние, что не много подобных было в Европе”» [8]. По-видимому, имеется в виду общее смягчение нравов, введение более гуманной методы преподавания, стоившее профессору чрезвычайно напряжения сил, что в обстановке враждебности со стороны университетского начальства подорвало его здоровье. Анализ учебных планов того периода показывает, что ни номенклатура предметов, ни преподавательский состав за год руководства Шварца не претерпели существенных изменений. В таких условиях вряд ли можно говорить о существенной реформе. Сам Шварц преподавал немецкую стилистику (в Объявлении о публичных учениях на 1780/81 г. сообщается: «Иоганн Георг Шварц... будет преподавать наставления о свободных науках, о стиле и красоте Немецкого языка, в обыкновенные дни по утру от 9 до 11 часов»; по его мнению, изучение языков должно было строиться

не только на повторении непонятных правил, но и на философии языка. Как преподаватель он часто вызывал самую восторженную реакцию слушателей; один из его учеников так оценил своего профессора: «Сей возвышенный и редкий чувств и оным подлежащего испытатель, ошутительнейшим образом приметив, что люди, проснувшись в поздние уже времена от своего ничтожества и едва только еще раздрав завесу, покрывающую их зрение, узрели сие существами населяемое огромнейшее и прекраснейшее здание, — не скрыл от нас того редкого своего дарования, которым целая природа ему жертвовала, чтобы не показать нам, хотя бы было то с уроном своего здоровья, величество, стройность, порядок и совершенство целая природы. Не скрыл, говорю, под спудом того своего неоцененного таланта, когда единственно на сей конец имел он при университете торжественную эстетико-критическую лекцию, лекцию, возвышающую наши необделанные и грубые чувства к тонкости живописи, к стройности скульптуры, к совершенству архитектуры, к несомнительнейшим доказательнейшим доказательствам геометрии, к приятности стихотворства, к беспредельному порядку астрономии, к неудобопонятности анатомии и физиологии, к справедливости физиогномии и хиромантии, к чудесному открытию магии и каббалы, к превращению естественного в сверхъестественное химии и других премногих наук, руководствующих нас к познанию беспредельных гармонии, сокрытых в недрах таинственных природы» [8]. А. Ю. Андреев дает иную характеристику: «Безмерно хвалебным отзывам о преподавательском таланте Шварца полезно противопоставить иные воспоминания его слушателя. „Как ни плохо знал Шварц Русский язык, на котором он читал, однако истины, им высказываемые, были так любопытны и казались тем новее, чем старее и неизвестнее были источники...“. Определенная сумбуренность лекций, эффект, достигавшийся за счет психологического давления на слушателей, дополнялись общим обликом профессора... Его повелительный тон, угрюмое выражение лица отмечали все современники. Но некоторые... видели в этом облике угрожающие черты». Автор цитирует анонимные мемуары о московском масонстве XVIII века: «Вспыльчивость его, часто доходившая до бешенства, и многие нелепые выходки не оставляли сомнения в повреждении его умственных способностей. Он был суров, сумрачен, очень строг... Ко всему этому он был скрытен, и я смею думать, что он был искусный лицемер. Этот человек был в полном смысле слова деспот, не терпевший никакого противоречия или сомнения. Так, например, его голос был повелительный, брови сдвинуты; никогда он не упускал в виду цели масонства и употреблял все средства без разбора, лишь бы только они привели к этой цели» [5, с. 208–209]. Из гимназических ректоров позднейшего периода следует отметить Иоганна Вильгельма Людвига Мелльманна (1765–1795 г.; был назначен ректором высших классов в 1786 г. и отставлен от своей должности в 1795-м. В 1785/6 учебном году в гимназиях не было ректора); по свидетельству учеников, это был глубокий знаток римских древностей, умевший внушить любовь к своему предмету. Карьера Мелльманна (ученая и учебная) была сломана в расцвете; он вызвал подозрение университетских властей и был вынужден оставить Россию. По слухам, он застрелился в Кенигсберге. На его место был назначен проф. эстетики Павел Афанасьевич Сохацкий, который руководил высшим филологическим классом; в 1802/3 учебном году высший философский класс достался проф. логики и нравственности Михаилу Матвеевичу Снегиреву. После преобразования 1804 г. ректорская должность была упразднена. О положении дел в гимназии любопытные подробности сохранил князь Ф. Н. Голицын, бывший куратором Университета в 1796–1803 гг.: «Достоинство всякой похвалы, что воспитание юношей было препоручено двум, как называли тогда, эфорам. Они, по своему попечению и в исправлении своей должности, были образцовые люди и каких редко найти можно. От такого порядка и усердия питомцы себя вели так хорошо, что никогда не было слышно ни шалостей, ни шуму, и редко когда которой из них был наказан. Гимназия была в одном корпусе с университетом, и в нее хаживали

учиться около семисот мальчиков, по большей части без состояния и самые неимущие» [10, с. 300].

О Д. И. Фонвизине уже было сказано; здесь добавим, что как отличившийся он читал на акте 12 июня 1757 г. немецкую речь о лучшем способе к изучению языков. На том же акте знаменитый в будущем дипломат Яков Иванович Булгаков (1743—1809) произнес латинскую речь о пользе военной науки. Ему суждено было сделать блестящую и необычную карьеру. В 1761 г. он начал службу в Коллегии иностранных дел, которой руководил гр. Н. И. Панин; долго был секретарем русской миссии в Польше. Благоволивший ему кн. Н. В. Репнин взял его с собою в Порту (1775 г.), куда 20 мая 1781 г. он был назначен послом. Крупнейший дипломатический успех — предотвращение войны сразу после аннексии Крыма (1783 г.). Наиболее знаменитый эпизод дипломатической карьеры — заключение в Семибашенный замок (Едикуле) после начала войны; там он провел 26 месяцев (1787—1789 гг.). Пользуясь связями, добыл и доставил Потемкину предложения французского посла Шоазеля Гуфье о наиболее рациональном способе ведения войны. При Павле — виленский и гродненский гражданский губернатор. Яков Иванович не забывал уроков, полученных на школьной скамье: он увлекался переводами (из греческих авторов — Лукиан и отрывок из Исократ); перевел «Всемирного путешественника» аббата Де ла Порта. Г. А. Потемкин также был учеником дворянской гимназии; сначала его награждали за успехи, — в 1757 г. Мелиссино брал в Петербург лучших учеников для представления Государыне, и будущий князь Таврический вошел в их число, — впоследствии исключенный за леность и нехождение в классы. 27 апреля 1759 года было первое производство гимназистов в студенты (оно произошло так поздно в силу высокой требовательности Шадена). Среди произведенных в тот день были известный впоследствии писатель Василий Григорьевич Рубан, издатель журналов «Ни то ни се» и «Трудолюбивый муравей» (он на страницах своего журнала так объяснял финансовые затруднения, мешающие издавать его в срок: «А мы недавно вышли из бессребренного Минервиных питомцев жилища, где и слово деньги только в лексиконах видали») [9], и один из первых русских профессоров-юристов Семен Десницкий. В 1793 г. учеником гимназии стал будущий профессор Университета Алексей Федорович Мерзляков. Приведем пример менее заметной на расстоянии двух столетий, но одновременно и блестящей, и типичной для гимназического воспитанника карьеры. Василий Сергеевич Подшивалов [24], род. 2 марта 1765 г. в семье отставного солдата, начал учиться в шестилетнем возрасте у дьячка одной из московских церквей; в разночинскую гимназию поступил 9 января 1774 г. на казенный кошт. 25 ноября 1782 г. окончил университет и был назначен учителем российского стиля и логики в Благородный пансион. Становится членом, — а затем и секретарем и председателем — созданного Шварцем Общества университетских питомцев; сотрудничает с Новиковым в издании его журналов, руководит своими учениками в собраниях пансионских воспитанников. В конце 90-х гг. карьера В. С. Подшивалова идет в гору: он становится помощником главного надзирателя Московского Воспитательного дома, а в 1798 г. — инспекторским помощником Демидовского Коммерческого училища. В 1800 г. вместе с учениками он переезжает в Петербург, а в следующем году становится директором училища. В 1803 г. сотрудничает с И. И. Дмитриевым и Н. М. Карамзиным в издании *Вестника Европы*; Подшивалову покровительствует Императрица Мария Федоровна; но впоследствии упущения в хозяйстве лишили директора ее расположения. В отставку он вышел в чине статского советника в 1810 г. и умер 31 июля 1813 г. Из его педагогического наследия необходимо отметить учебник «Русская просодия, или правила, как писать русские стихи, с краткими замечаниями о разных родах стихотворений, изданная для воспитанников Благородного Университетского Пансиона», выдержавший два издания (1808 г. и посмертно 1814 г., оба в Москве).

В связи с общими преобразованиями в учебном ведомстве 1802 и слл. годов над университетской гимназией нависла серьезная опасность. Она была спасена благодаря усилиям Попечителя Московского учебного округа М. Н. Муравьева, который в свое время сам окончил ее и не мог допустить ее гибели. Он сохранил учебное заведение, написав новое его Постановление (предусматривавшее четырехлетний курс) и придав ему такую цель в рамках новой системы: «1. чтобы способствовать успешнейшему производству учения в Губернских Гимназиях Московского округа; 2. чтоб быть надежнейшим источником для наполнения праздных мест в числе Студентов, Кандидатов и Магистров Университетского казенного содержания, составляя как бы рассадник ученых Чиновников Московского учебного округа» [22]. К сожалению, гимназия недолго пользовалась новым статусом: она не смогла пережить пожар 1812 года; «25 апреля 1813 года Временная комиссия по всем частям Университета под председательством попечителя П. И. Голенищева-Кутузова признала, что по тогдашним обстоятельствам нет никакой возможности восстановить Академическую гимназию, и Совет университета решил... учеников ее подвергнуть экзамену и тех из них, которые не могли быть произведены в студенты, перевести в московскую губернскую и другие гимназии» [37, с. 47].

Косвенным свидетельством достоинств нашей гимназии является предложение проф. Л. Цветаева: «она доставляла достойных людей и для самого Университета и для других училищ, и для всех родов службы; ближайший надзор ученых людей, лучшая метода избраннейших учителей из своих воспитанников могут произвести гораздо большие и основательнейшие успехи, нежели какие мы видим в воспитанниках нынешних Гимназий, тем паче Пансионов и домашних учителей... Жители Московские до сих пор вспоминают о прежней Гимназии с похвалами и с желанием, чтоб она была восстановлена!» [33, л. 36 об.–37].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Catalogus lectionum & exercitationum in illustri gymnasio Universitatis Caesareo-Moscuensis semestri hyemali anno 1858 habendarum.*
2. *Catalogus praelectionum publicarum in alma Universitate Imperiali Moscuensi Anno 1757. Semestri hyemali.*
3. *Die Glückseligkeit eines Landes unter einem friedliebenden Fürsten.* Rede gehalten von Johan von Schuwalow Schüler des adelichen Gymnasii. В кн.: *Oratio die onomastico Augustissimae Imperatricis Catharinae Magnae in conventu Universitatis Mosquensis habita a Christiano Friderico Matthaei Collegiorum Assessore, Litterarum humaniorum Professore et Acad. Mogunt. Scient. Util. Societat. Acad. Princip. Hass. ac Lat. Ienens. Sodali. Mosquae.* In Typographeo Universitatis. Typis Nicolai a Nowikow. 1782. P. 25–26.
4. Schaden I. M. *De Ingenuae iuuentutis educatione gloriae nationum duraturae fundamento praecipuo et fulcro, in Monarchiis maxime. Oratio solemnitas in solemnitate coronationis Augustissimae ac Potentissimae MONARCHAE AC AVTOCRATORIS CATHARINAE II. ROSSIAE TOTIVS IMPERATRICES Magnae Patriae Matris, Piae, Felicis, Legislatricis sapientissimae, cum eandem VNIVERSITATIS CESAREO-MOSCVENSIS conventu publico Anno MDCCLXXXI die XIII Sept. festive votisque nuncupatis, pie recoleret, Dicta a Ioanne Matthia Schaden Moral. Iuris Natural. ac Gent. nec non Politices P. P. O. Moscuae* In Typographeo Vniversitatis typis Nicolai a Nowikow.
5. Андреев А. Ю. Профессора. В кн.: *Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия.* Отредактировано В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. М., 1998.
6. Ашевский. *Из истории Московского Университета»,* М., 1906.

7. Бахрушин С. В. Московский университет в XVIII в. В кн.: Ученые записки МГУ. Выпуск L. История. М., 1940.
8. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленном трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенном по азбучному порядку. Москва, в Университетской типографии, 1855.
9. Биографический словарь Студентов Императорского Московского Университета и учеников Гимназии благородной, с 1756 по 1760 г., составленный к юбилею Университета; б. м. и. г., но, по-видимому, М., 1855.
10. Голицын Ф. Н. Записки. В кн. : Золотой век Екатерины Великой. М., 1996.
11. Долгорукий И. М. Записки кн. Ивана Михайловича Долгорукого, в кн. : Сочинения, СПб., 1849, т. 2.
12. Ломоносов М. В. Письмо И. И. Шувалову (1754, июнь-июль). Московский университет в воспоминаниях современников. 1755–1917. М., 1989, с. 26–27.
13. Ломоносов М. В. Проект регламента московских гимназий. ПСС., т. 9. С. 443–461.
14. Нащокин В. А. Записки. В кн.: Империя после Петра. 1725–1765. М., 1998.
15. Объявление, какие лекции и в которые дни и часы быть имеют публично в Императорском Московском Университете в последнюю половину сего 1757. года. Печатано при Императорском Московском Университете Ноября дня 1757. года.
16. Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском Университете и обеих Гимназиях оного преподаваемых с 17 Августа 1780 по 27 июня 1781 года.
17. Объявление о публичных учениях... с 17 Августа 1785 по 27 июня 1786 года.
18. Объявление о публичных учениях... с 17 Августа 1786 по 27 июня 1787 года.
19. Объявление о публичных учениях... с 17 Августа 1789 года по 27 июня 1790 года. В Москве. В Университетской типографии. 1789.
20. Объявление о публичных учениях... с 17 Августа 1791 года по 26 Июня 1792 года. В Москве. В Университетской типографии. 1791.
21. Пономарева В. В. Университет в культуре XVIII века. В кн.: Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. Отредактировано В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. М., 1998.
22. Постановление Академической гимназии. В кн.: <Сборник правительственных постановлений и других документов>, б. м. и г. изд., содержащий (без общего заглавия, но с единой нумерацией страниц) документы, связанные с преобразованием Императорского Московского университета в связи с общей реформой системы образования. С. 267–289.
23. Реестр Учений и упражнений имеющих отправляться в Дворянской Гимназии Императорского Московского Университета 1762. года. Печатан при Императорском Московском Университете Июня 28, дня 1762. году.
24. Русский биографический словарь. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического общества А. А. Половцова. СПб., т. 14.
25. Страхов П. И. Краткая история Академической гимназии, бывшей при Императорском Московском университете. — в кн. В воспоминание 12-го января 1755 года. Учено-литературные статьи профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, изданные по случаю его столетнего юбилея. М., 1855.

26. Сушков Н. В. Воспоминания о Московском Университетском Благородном Пансионе. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1848. Второе издание: Сушков Н. В. Московский университетский Благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, Университетского Благородного пансиона и дружеского общества. Издание исправленное и дополненное. М., 1858.
27. Тихонравов Н. С. Московский Университетский Благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, Университетского Благородного пансиона и дружеского общества. Сочинение Н. В. Сушкова. Издание исправленное и дополненное. Сочинения, III, 2, М., 1858. С. 85 слл.
28. Толстой Д. А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб., 1883.
29. Уваров С. С. Письмо к Издателю Вестника Европы. ВЕ, 1811., ч. 60, № 21. С. 59–61.
30. Фонвизин Д. И. Чистосердечное признание в делах и помышлениях. В кн.: Сочинения Д. И. Фонвизина, Полное собрание оригинальных произведений. СПб., 1893.
31. Христофорова Н. В. «Великая гимназия» Москвы XVIII века. В кн.: Христофорова Н. В. Российские гимназии XVIII–XX веков. На материале г. Москвы. М., 2001.
32. Христофорова Н. В. О гимназическом и лицейском образовании в России. Греко-Латинский кабинет, вып. 2, М., 1997.
33. [Цветаев Л. А.] Мнение Ординарного профессора Цветаева касательно перемен в Уставе Московского университета. ОПИ ГИМ, ф. 404, ед. хр. 20 (Московский университет. Проекты и обсуждения устава).
34. [Шаден И. М.] Императорской Московской Университет к рассуждениям в Благородной Гимназии быть имеющим и к слушанию речи господина Шадена, Гимназии Ректора в университетской аудитории сего 16. Декабря всех любителей Наук почтенно просит.
35. Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1855, ²1998.
36. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. В кн.: Сочинения. М., 1989.
37. Эйнгорн В. О. Юбилейный сборник 1812 г. Московский Университет, Губернская гимназия и другие учебные заведения Москвы в 1812 г. Изд. Московского учебного округа, 1912.